

На соискание Ленинской премии

ЛЕТИ, КРЫЛАТЫЙ КОНЬ!

Так случилось, что с родиной Мустая Карима — Башкирией — я познакомился раньше, чем с самим писателем. Помню, как вышел на высокий берег Агидели, и дух захватило от того простора, что неожиданно открылся передо мной. Вот это ощущение широты, раздолья возникло всякий раз, когда заходила речь о Башкирии. А потом прочел в книге Карима такое признание: «Башкирия моя! Твой сын простой, я восхищен твоею широтой!». И понял, что самое первое впечатление от этой земли совпало с тем, что ощущает человек, связанный с ней своими корнями. Значит, впечатление это — верное.

Журналистское задание, как обычно, весьма срочное, привело меня в уютный номер гостиницы «Москва», где остановился приехавший в столицу по общественным делам писатель. И тут, впервые попав в гости к Кариму, я ощутил атмосферу, которую создает вокруг себя этот человек. Атмосферу, начисто исключающую суету, спешку; атмосферу серьезности, внимания, доверия. Уже был выключен диктофон, а беседа наша продолжалась, и не хотелось прерывать ее, потому что в словах собеседника светились мудрость, доброта, знание жизни и людей.

Больше всего говорили мы о поэзии. Хотя народному писателю Башкирии, Герою Социалистического Труда Мустая Кариму принадлежат повести, рассказы, пьесы, прежде всего он поэт. Не просто автор многих талантливых стихотворных строк, а поэт по своему взгляду на мир, по своему умению осмыслить окружающую действительность и выразить ее в поэтических образах.

— Основное в моей работе — поэзия, — сказал тогда Карим. — Поэзия воюет против лениности души. Ум сам по себе сейчас не дремлет, он активен. А душа у многих поддается лениности.

Бороться против лениности души, пожалуй, в этих словах творческое кредо Мустая Карима. Борьба за духовную распахнутость человека, желание раскрыть все лучшее, что в нем заложено, — в этом пафос его творчества.

Много говорили мы тогда о только что опубликованной повести «Долгое-долгое детство». Меня очень заинтересовал образ мальчика Асхата, который уже в раннем возрасте сочинял острые частушки, песенки, прибаутки... Не скрывается ли за ним сам Мустай?

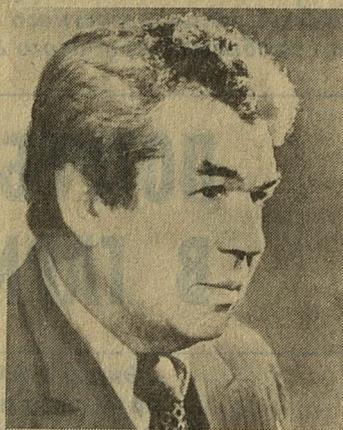
«Нет», — услышал я в ответ на свой вопрос. А затем последовал рассказ о мальчике Асхате, сверстнике Мустая, который был в их родной деревне любимцем и возмутителем спокойствия, потому что замечал все недостатки, откликался на любое событие.

— Я думаю, это был бы поэтический гений, — сказал Карим. — Он погиб на войне. Так, наверное, рождаются гении, сразу разговаривающие с миром на языке высокой поэзии.

Мальчик Асхат вырос и погиб на войне. Но через несколько десятилетий он вновь предстал перед нами живым, подлинным — в замечательной повести Карима. А скольких еще удивительных людей встретили мы на ее страницах! Помните начало повести? «Книга эта — про людей, которые не изжили в себе веру в чудеса... Они — чудакватые, странные, неугомонные, наивные... Может, кто и спросит: «Неужели в вашем ауле только такие люди жили?» — так я отвечаю заранее:

— Я видел только таких. Других как-то не запомнил».

Кого же запомнил автор, к кому возвращается он через годы, вместившие так много? К Старшей Матери, полной достоинства, мудрости и доброты. К тому же Асхату, чей природный дар не могли победить никакие удары судьбы. И конечно, к себе



самому, потому что все, что несет человек по жизни, — плохое и хорошее, грустное и радостное, — начинается в детстве.

«Долгое-долгое детство»... Пожалуй, будь рядом с этим названием имя другого автора, слова эти могли бы и насторожить читателя: не идет ли речь о героях, главной составляющей характера которых становится инфантильность? Но в повести Карима мы сталкиваемся с иными: ее герои, оставаясь детьми, с ранних лет ощущают свою ответственность за все, что происходит вокруг. Они умеют трудиться, помогают взрослым. Они думают, спорят, они учатся у окружающих людей и самой жизни. А, становясь взрослыми, сохраняют в себе так необходимую каждому частицу детства.

Пожалуй, эту повесть можно назвать своеобразным учебным пособием по вопросам воспитания. Мне кажется, многие взрослые, сталкивающиеся с трудностями при попытке установить контакт с детьми, могли бы почерпнуть немало полезного на ее страницах. И при этом — ни тени назидательности, откровенность и полное уважение к читателю.

Не так давно об этой вещи Карима мы говорили с главным режиссером Центрального детского театра А. Бородиным. В театре по этой повести поставили спектакль. Режиссер рассказывал, что спектакль этот с одинаковым интересом смотрят и двенадцатилетние, и шестнадцатилетние ребята, и взрослые... Каждый находит у Мустая Карима что-то близкое ему, потому что автор шел к читателю, а через театр — к зрителю с открытым сердцем.

Мне хочется добавить к этому слова самого Карима, сказанные им в одной из наших бесед и объясняющие многое в его творчестве. «Писатель должен быть очень чуток к потерям. Причем нет потерь больших или малых. Для ребенка потеря осколка стекла равноценна потере целого мира. Это необходимо чувствовать». Эти слова — не декларация, их воплощение — в творчестве писателя.

Поэтом остается Карим и в драматургии. Он ставит самые сложные проблемы человеческого бытия, пробуждая мысль зрителя, не боится выдвигать неожиданные, дерзкие на первый взгляд концепции. Говоря о своих исторических трагедиях, среди которых и выдвинутая ныне на соискание высокой премии «Не бросай огонь, Прометей!», Карим высказывает предположение, что исторические произведения пишутся по двум причинам. «Первая причина — избыток фактического материала у автора. Он знает так много, что уже не может не писать. У меня бывает наоборот. Перед тем, как я начинаю работу над историческим произведением, у меня должна появиться своя концепция. И чтобы эту концепцию поверить, я обращаюсь к исторической литературе, к фактическому, как говорится, материалу».

Действительно, в трагедиях Карима нет попыток удивить новым фактическим материалом. Но мышление автора предельно современно, тема разговора,

предлагаемого зрителю, всегда актуальна. В трагедии о Прометее эта тема — отношение людей к идеалу, к мечте. В древнем сказании ничего не говорится о том, как люди приняли огонь, дарованный им. Мустай Карим предлагает свою версию, направляет трагедию против застоя, консерватизма, косности. То есть того, что мешает нам жить сегодня, двигаться вперед, к осуществлению давней мечты человечества. Любопытно, что среди многих театров, заинтересовавшихся этой трагедией, — Молодежный музыкальный театр города Одессы, объединяющий студентов Политехнического и консерватории. Театр, тяготеющий к самым современным музыкальным и зрелищным формам, нашел у Мустая Карима то, что волнует сегодня молодежную аудиторию.

Завершая эти заметки, хочу напомнить читателям об одном из любимых образов Карима — счастливом крылатом коне. Легенду о нем рассказывает герою «Доллого-долгого детства» Черный Юмагул. «Конь этот ветром веет, птицей взмывает, ожидаемое тобой приблизит, прошлое твое вернет, задуманное исполнит, с человеком по-человечьи говорит, с богом тайны делит — вот какой это конь». Что за волшебный конь, и где искать его? Сам автор дает ответ, называя один из лучших своих стихотворных сборников «Время — конь крылатый». Мустай Карим — из тех людей, которым верно служит этот счастливый крылатый конь. Как сам он верно служит своему времени.

А. ЮРИКОВ.